

УДК 271.21+27-9

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОФИЛЕТИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ЧАСТЬ III**

Венедиктов В.Ю.

На Святом и Великом Соборе-2016, состоявшемся на Крите, была поднята и заострена проблема этнофилетизма. Отсутствующие делегации арабов, русских, грузин и болгар на пленарном заседании были осуждены в этнофилетизме. Таким образом, ересь этнофилетизма, впервые провозглашенная на Константинопольском Соборе 1872 года, вновь стала актуальной. В настоящей статье мы исследуем два вопроса: каким образом и почему эта ересь появилась на свет и можно ли считать этнофилетизм ересью? В третьей части исследуется Константинопольский собор 1872 года. Автор затрагивает следующие проблемы. Каким образом была провозглашена схизма? Кто был заинтересован в греко-болгарской схизме? Какие политические, этнические и культурные последствия Собора 1872 года?

Ключевые слова: церковная история, схизма, греко-болгарский церковный конфликт, Константинопольский патриархат, Константинопольская патриархия, этнофилетизм, Святой и Великий Собор, Православие.

**ON THE PROBLEM OF ETHNOPHYLETISM:
A HISTORICAL STUDY. PART III**

Venediktov V.Y.

The Holy and Great Council on Crete, 2016 has risen an important issue of Ethnophyletism. Russian, Georgian, Bulgarian, and Antiochian Orthodox Churches delegations were not present at the Great Council and were criticized for Ethnophyletism at the plenary session. The heresy of ethnophyletism was announced by the Council of Constantinople in 1872. Now we can see that it became essential nowadays. The article tells about the origin of this heresy and whether the Ethnophyletism may be decided to be the heresy. The author raises issues. How was

the schism declared? Who was interested in the Greco-Bulgarian schism? What are the political, ethnic and cultural consequences of the Synod in 1872?

Keywords: Church history, Schism, the Bulgarian Greek Church conflict, Constantinople Patriarchate, Constantinople Patriarchy, Ethnophyletism, the Holy and Great Council, Orthodox.

Открытие Собора: «Да здравствует султан, да здравствует схизма!»

Константинопольский Собор открылся в конце августа 1872 года. Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский Патриархи и Архиепископ Кипрский приехали в Константинополь заранее. В отношении болгар высший епископат Поместных Церквей изначально был настроен позитивно. Так, например, Александрийский Патриарх Софроний обещал употребить все свои усилия для достижения примирения, утверждал, что в противном случае не подпишет соборного определения. Болгарофильская позиция Предстоятелей Поместных Церквей встретила с первых же дней работы Собора сильное сопротивление со стороны константинопольских греков. Кроме того, в церковной схизме были заинтересованы английские дипломаты, поддерживавшие наиболее крайних греческих националистов и австрийские – поддерживавшие болгарских радикалов [9, с. 436-448.].

В самом Константинополе накануне официального открытия Собора проходили уличные демонстрации. Толпа кричала: «Да здравствует султан, да здравствует схизма!» [16, с. 112]. Официальное открытие Поместного Собора 1872 года было омрачено инцидентом. «Когда на него отправлялся Кирилл Иерусалимский, на пути на него накинулась толпа нафанатизованных греков, которые с неистовыми криками угрожали Кириллу привести его на Собор силой в том случае, если б он не захотел туда явиться добровольно; его называли Иудой, Каиафой, русским шпионом» [16, с. 114].

Константинопольский Собор 1872 года длился недолго. В первом заседании (29 августа) была избрана комиссия из десяти членов для составления очерка истории болгарского вопроса; во втором заседании (11

сентября) комиссии было поручено составить определение о провозглашении болгарской схизмы, а в третьем и последнем заседании (16 сентября) отцы Собора приняли и подписали объявление схизмы [16, с. 130]. Не подписал протокол Собора лишь один Иерусалимский Патриарх Кирилл, отговариваясь необходимостью спешно выехать в Иерусалим для встречи великого князя Николая Николаевича Старшего и его спутников, «ехавших на освящение русского Троицкого собора в Иерусалиме на русских постройках, и желанием узнать мнение по сему вопросу своего иерусалимского синода» [7, с. 9]. На Иерусалимского Патриарха было оказано большое давление со стороны греков: «интригами присланного из Королевства епископа Ликурга, дошло до того, что пьяные толпы врывались на двор патриарший с воплями: "Да здравствует схизма со всеми славянами!" Мало того, так как Патриарх Иерусалимский не одобряет действий Великой церкви, то и к нему врывались с воплями: «да погибнет, Иерусалимский Панславист!» [4, с. 145].

На подозрительную быстротечность Константинопольского Собора 1872 года указывал российский дипломат и публицист В.А. Теплов. В подобных случаях, по мнению российского дипломата, в былые времена Церковь действовала всегда с мудрою медлительностью, не забывая приглашать на Соборы и противную сторону (своих оппонентов), дабы иметь возможность подробно и всесторонне изучить вопрос и постановить решение вполне беспристрастное, достойное собрания православных иерархов. В данном случае все произошло с точностью наоборот. Церковь явно спешила с решением вопроса первостепенной важности. «Церковь допускает в церковных прениях преобладание политических страстей и не препятствует мирянам иметь губительное и незаконное влияние на постановления, принадлежащие исключительно духовенству» [16, с. 131].

Собор был созван для того, чтобы судить болгар, но никто из болгар, ни из представителей их не был позван в заседания для защиты своего дела, тогда как каноны предписывают пригласить, и притом троекратно, обвиняемых лиц явиться на Собор (Апост. 74, Карфаг. 28). Константинопольский Собор выдал

заочное осуждение болгар и предал анафеме вместе со всею их паствой. Между архипастырями, созванными на Собор в Константинополе для суда над болгарскими епископами, не было согласия во мнениях. Патриархи Александрийский и Антиохийский и Архиепископ Кипрский заявили свое несогласие со Святейшим Патриархом Анфимом еще в начале Собора, а Иерусалимский Патриарх сохранил свое непреклонное мнение до конца. Между тем, по канонам Церкви (Антиохийск. 14), Собору, собравшемуся для суда над епископами при обнаружившемся разногласии во мнениях, не следовало постановлять решения, а надлежало предварительно пригласить нескольких других епископов из ближайшей церковной области, которые бы и разрешили сомнения. Но, в этом случае, с позиции другого наблюдателя и толкователя конфликта грекофила Т.И. Филиппова – отказ Иерусалимского Патриарха Кирилла от участия в Соборе с последующим отъездом можно также считать нарушением взаимного братолюбия [19, с. 187]. И уж, тем более, отъезд досточтимого иерарха в самую решительную минуту совещаний должен был иметь какие-либо особые и весьма важные причины.

На заседании 16 сентября схизма провозглашена официально и единогласно соборным определением, подписанным 32 членами Собора: Патриархами, Архиепископами, Митрополитами и пр., «причем главным виновником провозглашения схизмы был митрополит Дерконский, человек умный, ловкий и интриган, весьма поддерживаемый партией греческих банкиров» [16, с. 118]. Этот акт, по которому все болгарские архипастыри с духовенством и мирянами объявлены схизматиками, как последователи ереси этнофилетизма (нового учения о племенном различии), был с торжеством прочитан во всех константинопольских церквях, затем обнародован во всех пределах Патриархата и разослан ко всем Автокефальным Церквам.

Соборное определение 1872 года и реакция Поместных Церквей

Вот основные постановления отцов Константинопольского Собора 1872 года:

1. Мы отвергаем и осуждаем филетизм, то есть племенные различия,

народные распри, соперничества и раздоры в Христовой Церкви, как нечто противное евангельскому учению и канонам блаженных отцов наших, которые составляют собою опору Церкви и, украшая ее общество, ведут к божественному благочестию.

2. Приемлющих филетизм и дерзающих основывать на нем племенные сборища мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми единой, святой, католической и апостольской Церкви или, что то же, схизматиками.

3. Посему, как произвольно отделивших себя от Православной Церкви, водрузивших свой особый жертвенник и образовавших особое самочинное сборище, прежде изверженных и отлученных от Церкви, бывших митрополитов Иллариона Макариупольского, Панарета Филиппопольского, Иллариона Ловчанского, Анфима Виддинского и ныне изверженных бывших епископов: Дорофея Софийского, Парфения Нишавского, Геннадия Велесского и рукоположенных ими архиереев, иереев и диаконов, всех находящихся с ними в общении и единомыслии и приемлющих их благословение и священнодействие за действительное и каноническое, как мирян, так и духовных, всех их мы объявляем схизматиками и отчужденными от Православной Христовой Церкви.

Заключается Соборный Акт молитвенным обращением к Начальнику и Совершителю веры, да хранит Он свою Святую Церковь чистою и невредимою от всякой скверны нововведений; отторгшимся же от нее да даст покаяние, дабы они, пришед со временем в разум, отвергли свое учение и прибегли к святой католической и Апостольской церкви – «во еже славити в ней, со всеми православными, великого Ангела мира, пришедшего умиротворить всех и возвестить мир всем ближним и дальним» [16, с. 120-121; с. 19,185-187].

В мире Поместных Православных Церквей (за пределами Собора) к прещениям Константинополя отнеслись неоднозначно. Иерусалимский Патриарх Кирилл решительно отказался признать решения Собора справедливыми. Епископы Антиохийской Церкви (арабской национальности) объявили подпись своего Патриарха под актами Собора «выражением его личного мнения, а не мнения всей Антиохийской Церкви» [12, с. 7]. В

результате «схизма не была обнародована ни в одном из храмов Антиохийской церкви, ни даже в кафедральном Патриаршем соборе в Дамаске» [12, с. 8]. Кроме того, Александрийский Патриарх вскоре после Соборного определения начал обвинять Константинопольского Патриарха в том, что тот действовал лишь в своих интересах и увлек за собой других иерархов.

С сочувствием и пониманием трудности положения Болгарской Церкви отнеслись Румынская и Сербская Православные Церкви. Более сдержанного курса держалась Российская Православная Церковь, желавшая оставаться в единении с болгарскими, но не входившая в результате провозглашения схизмы с ней в официальные отношения.

Болгарский экзарх Анфим обратился с посланием к Автокефальным Церквам, доказывая, что провозглашенная схизма Болгарской Церкви незаконна и несправедлива, так как эта Церковь, став самостоятельной, сохраняет неизменную преданность православной вере и желает единства со всей Вселенской Православной Церковью [20, с. 47]. Российский Святейший Правительствующий Синод не ответил на это послание, однако молчание это не означало, что он был согласен с определением Константинопольского Собора, осудившего Болгарский Экзархат. Синод не ответил и на послание Константинопольского Патриарха Анфима VI относительно провозглашения схизмы. Несмотря на попытки примирения, Святейший Правительствующий Синод прервал официальные отношения с Болгарской Церковью.

Российское общество неоднозначно восприняло новость о болгарской схизме. Русские общественные деятели скептически отнеслись и к самому Собору. Так, по мнению В.А. Теплова, только Вселенские Соборы, составленные из архипастырей всей Церкви, непогрешимы и не могут уклоняться от христианской истины. Поэтому, определения Вселенских Соборов обязательны для всех Поместных Церквей. «Определения же Поместных Соборов, каким и был Константинопольский 1872 года, обязательны лишь для тех Церквей, архипастыри которых на них присутствовали, а для всех прочих самостоятельных Церквей нисколько не

обязательны» [16, с. 133].

Дискуссия по поводу объявленной болгарской схизмы в русском обществе

Во внимании общественной, церковной и научной мысли той эпохи оказались соборные определения и связанные с ним вопросы: виновны ли болгары в филетизме, правильно ли Собор постановил свое решение, как должна отнестись к этому решению Русская Церковь и, наконец, какое влияние провозглашение схизмы оказывает на отношения России к грекам.

Русская общественная мысль по греко-болгарскому вопросу разделилась во мнениях; «одни с г. Филипповым доказывают, что притязания болгар относительно церковной независимости вполне безосновательны и незаконны, и что даже те несправедливости, которые терпели они от греков, имеют за собой основания, оправдывающие этих последних; с другой стороны, партия, более многочисленная, с г. В. Тепловым держится того взгляда, что желание болгар иметь свою самостоятельную Церковь, употреблять при богослужении народный язык, вполне справедливо, что сознавали и сознают сами греки, только народные страсти и чисто экономические соображения патриархии мешают дарованию болгарам этих вполне законных прав» [14, с. 223-224].

Многообразные оценочные суждения по определениям Константинопольского Собора свидетельствуют об обширной дискуссии в российском обществе той эпохи. В первую очередь в российской печати был поднят вопрос о филетизме. Греки, обвинив болгар в филетизме, главным аргументом на Соборе использовали изречение апостола Павла: «несть Иудей, ни Эллин, несть раб, ни свободь, несть мужеский пол, ни женский: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе (Гал. 3:27-28)». Российский дипломат В.А. Теплов ссылался и на другие апостольские высказывания, подтверждающие различия между христианами и по племени. Например, апостол Павел, говоря о себе и апостоле Петре, прибавляет: «мы естеством Иудеи» (Гал. 2:15), и о своем соратнике Тите: «Тит иже со мною, Эллин сый» (Гал. 2:3). «Греки и русские, румыны и болгары и все другие народы могут содержать одну и ту же

православную веру и быть едино во Христе, но в то же время каждый из этих народов может исповедовать свою веру на своем природном языке, составляющем самое первое и главное отличие всякой народности... Во все времена христианства существование отдельных народных Церквей никто не признавал филетизмом, ересью противною евангельскому учению и догматам» [16, с. 123-125], – заключает В.А. Теплов.

Однако, с церковно-правовой точки зрения, «административное деление Церкви строится на территориальном, а не национальном принципе. В нормальных условиях православные христиане любой национальности, проживающие на одной территории, составляют один приход и окормляются одним епархиальным епископом, ибо, по слову Апостола Павла, во Христе "нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного" (Кол. 3:11)... Попытки поставить в качестве принципа церковной организации, в частности, в определении сферы юрисдикции Поместной Церкви не территориальный, а этнический или языковой фактор, неоднократно предпринимавшиеся в истории, канонически неправомерны и всегда вызывали серьезные осложнения и нестроения. Константинопольский Собор 1872 года справедливо осудил этнофилетизм как посягательство на канонический церковный строй» [5, с. 276].

С формально-правовой точки зрения действия греков допустимы. «Действия Константинопольской Церкви по обвинению болгар в филетизме и объявлении их на Соборе 1872 г. состоящими в схизме формально являются правильными, т. к. по общему ходу развития церковной и политической жизни на Востоке, две самостоятельные Церкви в пределах одного государства представлялись аномалией и лишь тот народ получал право на автокефальную Церковь, который имел самостоятельное государство, хотя в данном случае приравнивание Турецкой империи к Византийской страдало очевидной неточностью. Отношение между Церковью и государством в Турции были совсем другие, чем в Византийской империи», – писал в 80-е годы XIX столетия известный церковный историк И.Е. Троицкий [18, с. 18].

По мнению В.А. Теплова, «не выдерживает критики и мысль, будто независимость (автокефальность) Церкви обуславливается политической независимостью народа или известной страны» [16, с. 127].

Интересно в связи с этим послание Всероссийского Святейшего Синода Константинопольскому Патриарху Григорию, отправленное незадолго до созыва Собора 1872 года. В послании отмечалось, что: «болгары не должны полностью отделяться от Вселенского Патриарха и требовать полной церковной независимости, т. к. они не составляют отдельного государства» [4, с. 150].

Доводы *pro et contra* по части церковной зависимости от политического подчинения В.А. Теплов опровергает на известном историческом примере: «Когда христианские Восток и Запад были под скипетром одного могущественного Рима, эта политическая зависимость восточных христиан от римской власти нисколько не мешала им сохранять свою самостоятельность в церковном отношении. Кроме того, не на том ли самом принципе основывают свое автокефальное существование отдельные Церкви Александрийская, Иерусалимская, Антиохийская, Кипрская» [16, с. 128].

В письме знаменитого российского путешественника и писателя А.Н. Муравьева Вселенскому Патриарху Анфиму по поводу разногласий между Болгарской и Константинопольской Церквами, датированном 11 октября 1872 года, содержится схожая с предыдущей мысль: «Не странно ли однако это явление? Эллинская Церковь, с самого начала зависевшая от Вселенского Престола, внезапно от него отложила и составила свой независимый Синод, который не признал власти бывшего своего архипастыря, чего не осмелилась, однако, сделать юная Церковь Болгарская, не отвергавшая подчинения Патриаршему Престолу. Отпадение эллинское резко совершилось без всяких предварительных переговоров, в одно время с политическим отсечением Королевства от Империи Оттоманской: и, несмотря на то, хотя и нарушено было общение, Церковь сия не была провозглашена, соборно и торжественно, схизматическою; все архиереи ее не были отлучены и низложены и не пало на

нее обвинение в новой ереси народолюбия (ошибочный перевод слова "филетизм", [см. первую часть](#) исследования – В.В.) в коей обличают теперь болгар, по их разноплеменности, потому что греки единоплеменны между собою.

И что же? Эти самые эллины афинские, позабыв собственное свое многолетнее отчуждение от церковного единства, теперь первые двигатели осуждения болгар и самые жаркие их противники. – А быть может, если бы с ними было также строго поступлено в то время, как ныне с болгарами, то не осталась бы для них отверстою дверь к примирению и они могли бы впасть в руки латин, или протестантов, что небезопасно и для болгар, между коими давно уже существует уния; если же случится такое духовное их поражение, то на кого падет за сие ответственность, когда в памяти нашей еще так свежо снисхождение, оказанное Эллинской Церкви?...

Я изумлен: до чего может доходить в народе греческом чувство национальной неприязни, в которой обвиняют болгар, вменяя им это даже в ересь; не греческая ли чернь, руководимая буйными вождями, врывалась на двор патриарший, с дикими воплями: "Да здравствует схизма со всеми славянами", а впоследствии не та же ли чернь, упоенная вином, дерзала вопиять и против святителя Иерусалимского, требуя его низложения, под предлогом панславизма, за то лишь; что он не согласился с мнением соборным?! По причине такого ожесточения, я позволил себе высказать свое мнение о том одиночестве, в каком останутся греки, если бы действительно нарушился союз их с единоверными им славянами» [4, с. 151].

В поддержку болгар выступили и славянофилы. Так, например, известный публицист И.С. Аксаков полемизировал на тему соборного отлучения: «Если болгары в учреждении экзархата погрешили против буквы канонов, то греки, со своей стороны, погрешили против самого духа канонического учения, т.е. против духа христианской любви и правды. Константинопольская Церковь... должна была, конечно, и в этом споре с болгарами... явить истинно-христианскую мудрость... и не давать мертвящей

букве торжествовать над животворящим духом. В том, в чем обвиняет Константинопольский Собор болгар (в филетизме, т.е. во внесении племенного пристрастия в идею Церкви), повинен, прежде всего, сам Константинопольский Патриархат» [1, с. 516].

Мысль Аксакова вполне гармонично дополняет Ф.М. Достоевский: «греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством. Вселенский Патриарх, порицая послушание болгар и отлучая их и самовольно выбранного ими Экзарха от Церкви, выставял на вид, что в деле веры нельзя жертвовать уставами Церкви и послушанием церковным "новому и пагубному принципу национальности". Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения, служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян. Одним словом, можно даже с вероятностью предсказать, что умри "больной человек", и у них у всех тотчас же начнутся между собою смятения и распри на первый случай именно характера церковного и которые нанесут несомненный вред даже и самой России» [8, с. 71].

Кроме оценочных суждений общественное обсуждение болгарской схизмы подвигло на развитие еще одного интересного богословского вопроса. Вспомнили о Большом Московском Соборе 1666-1667 гг., во многом аналогичному лишь по составу участников Константинопольскому Собору 1872 года.

На Московском Соборе присутствовало 30 архипастырей, в том числе кроме новоизбранного Московского Патриарха и греческие: Антиохийский и Александрийский. Кроме суда над Патриархом Никоном и разбора последствий раскола Московский Собор принял решение о неперекрещивании впредь католиков при обращении их в Православие. Этого решения не приняла тогда Греческая Церковь, сохранив на время, по сути, старообрядческую традицию. Споры о неперекрещивании инославных христиан всерьез были подняты в последней четверти XIX столетия. А.Н. Муравьев предлагал в случае

благоприятного разрешения греко-болгарского вопроса поднять главный, по его мнению, церковный вопрос «о неперекрещивании лютеран, армян и римско-католиков, что некогда строго нам запретили Патриархи восточные при Никоне, а сто лет спустя, сами начали сие делать, по ненависти к иезуитам, вопреки всех церковных канонов. Это ставит нас в фальшивые отношения против греков, так как греки, перекрещивая у себя иноверцев, признают, однако, православными тех, которые присоединяются у нас через одно только миропомазание. Это совершенная аномалия. Может быть также поднят вопрос о степенях родства, плотского и духовного, при браках, в чем мы разнствуем с греками и еще несколько других...» [4, с. 155]. В то же время прецедент с расхождением во мнениях Поместных церквей по вопросу "неперекрещивания" на Московском Соборе XVII века, по мнению В.А. Теплова давал Синодальной Церкви «полное право, не принимая решения Константинопольского Собора, не признавать болгар раскольниками, а продолжать считать их нашими братьями по вере и Православию» [16, с. 133].

О панславизме в контексте Собора 1872 года: неизвестный греческий автор и его статья «Схизма и русская печать»

Вопрос о том, как России и российскому обществу относиться к определению Константинопольского Собора 1872 был довольно таки щекотливым. В соборном определении содержался весьма прозрачный намек на "кровных" единомышленников болгар: сербов и русских: «всех находящихся с ними в общении и единомыслии и приемлющих их благословение и священнодействие за действительное и каноническое, как мирян, так и духовных, всех их мы объявляем схизматиками и отчужденными от Православной Христовой Церкви» [16, с. 120]. Показательными были манифестации греков накануне объявления схизмы, когда «пьяные толпы врывались на двор патриарший с требованиями провозглашения схизмы для всех славян [4, с. 155].

После объявления схизмы, греческая газета того времени «*Νεολόγος*» (№ 1160, 1872 г.) опубликовала статью неизвестного автора: «Схизма и русская

печать». Пользуясь переводом этой статьи, который мы обнаружили в Государственном архиве Российской Федерации, процитируем здесь несколько фрагментов из нее.

Автор статьи именуется русские органы печати панславистическими (панславистскими). При этом, как становится ясным из статьи, автору известен лишь один орган русской периодической печати – газета «Русский мир». «В порыве бешенства они (русские – *V.V.*), например, прямо говорят: "История греко-болгарского вопроса... вполне выясняет тенденции Греческой Церкви, тенденции, вообще, враждебные России, как первой представительнице народных славянских Церквей". Отсюда понятно, – заключает автор статьи, – озлобление против греческого народа, который не позволил, чтобы Церковь ради панславистских целей решилась на самоубийство...» [4, с. 156].

По мнению автора статьи, объявление Патриархией независимости Болгарской Церкви приравнялось бы к самоубийству Константинопольской Церкви, т.к. такая уступка «беззаконным церковным притязаниям болгарской плеяды» привела бы еще к большему беззаконию, в которое впали «вожди Болгарской антиканоничной Экзархии» [4, с. 156].

Далее автор пишет: «Ко всему этому еще присоединяются угрозы об отнятии от Церкви Востока ничтожных доходов, которые получали они от благочестивых мужей России в те добрые времена, когда в той стране еще жило чувство искренней благодарности, которою русский народ и с христианской и с нравственной и с политической стороны обязан и Церкви Константинопольской и последней императорской греческой фамилии... Эта скифская мера, по которой хорошо можно судить о деликатности панславистских газет, предлагается в отместку будто за неблагодарность, которую Церковь и греческий народ оказали России, провозгласив схизму, т.е. не захотели пожертвовать своею жизнью, сохранившеюся в продолжение стольких веков и славною столь великими делами, из которых самое последнее было – это очеловечение (ο εἰς ἀνθρώπιμόν) России, и что, наконец, не захотели отдаться в руки варварскому насилию панславизма!

Итак, мы – Церковь и народ оказались неблагодарными к России за столькие благодеяния, неблагодарными за то только, что не согласились наложить руку на Церковь. Что ж! Мы не желаем сводить счетов великим благодеяниям России в сравнении с теми страданиями, которые ради нее (России) выносили наша Церковь и народ; это было бы и утомительно, да и недостойно эллинской трости писца. По крайней мере, мы сами не хотим вступать в прение об этом предмете; предоставим это сделать неложной истории, на страницах которой завоевание Крыма описано кровью Пелопоннеса. Но спрашивается, какое можно дать название тому народу, который, получив от другого какого-то народа религию и просвещение, не помнит теперь всего этого, да еще оскорбляет и угрожает ему, ссылается на какие-то дешевые материальные вклады, которые грозит отнять в отмщение за то, что объявлена схизматическою не Россия и не Болгария, а взбунтованная шайка, поправшая все священное и честное, чрез что и отложились от Церкви!

Это название очень подходящее... мы предоставим самим русским органам печати, если только есть у них хоть частичка стыда и если не настолько загубели сердцем, чтобы открыто проповедовать, что и религия и законы и вся нравственная сила и весь народ обязаны смиренно подклонить свою выю по прихоти панславизма, потому что их там насчитывается до 75 миллионов. Что касается до угроз прекратить ничтожные приношения русских, то эти угрозы будут иметь какое-нибудь значение разве для скифских или монгольских сердец; что же касается Константинопольской Церкви и греческого народа, то мы отсылаем панславистские органы к церковной нашей истории, которая содержит в себе только одну похвалу их Церкви Русской. Из этой же истории они могут узнать и убедиться, что ни эти угрозы лишить нас дешевевших каких-то доходов, ни даже надлежащая опасность потерять всю империю, не заставили нас изменить хоть на йоту вере наших отцов.

Может быть, эти принципы вытекали из развращенного сердца греков, которым вверено было Православие? – Не знаем. Посмотрим, однако, отвергнут ли греки от своего развращенного сердца уже выработанные идеи и

убеждения преданности и самопожертвования или вместо этого облобызают благородные панславистские идеи варварского насилия, страха, угрозы и преследования?» [4, с. 157].

Во многом, автор статьи повторил слова экс-Патриарха Григория VI, которые тот засвидетельствовал в дни Константинопольского Собора: «При таком положении дел, Церковь должна решить одно из двух: или окончательно отвергнуть священные и божественные правила и нарушить церковный порядок, или же отсечь от тела Церкви незаконных непрослительно, кощунствующих бесстыдно и ругающихся над Церковью, к безмерной ее печали и невыразимой скорби» [4, с. 158].

Автор статьи ссылается лишь на газету «Русский мир», которая в семидесятые годы девятнадцатого столетия являлась действительно панславистским изданием редактора В. Комарова [3, с. 272-273]. Неудивительно, что под редакцией Виссариона Комарова эта газет представляла панславистский орган русской печати. Комаров оставался всю жизнь человеком военным: выпускник Николаевской академии Генерального штаба, затем полковник, начальник штаба. Возобновленное издание «Русского мира» под редакцией Комарова было по своему воззрению консервативно-оппозиционным. В 1875 году «Русский мир» перешел к М.Г. Черняеву. Вместе с последним, Комаров отправился в 1876 году в Сербию, где был произведен в сербские генералы [21, с. 816].

Наверное, греческий автор был слабо информированным в объеме русской периодики. В России пользовались спросом другие периодические издания с эпитетом «русский», например: «Русская беседа», «Русская мысль», «Русская старина», «Русские ведомости», «Русский вестник» и проч. Многие из этих изданий отвергали «панславистские бредни». Так Н.М. Катков в «Московских ведомостях» заявлял: «Панславизм – слово выносившееся, и басням о нем уже перестают давать веру в Европе, за исключением разве Австрии, где и государственным людям и журналистам все еще мерещатся, когда им это бывает нужно, мифические агенты, повсюду якобы сеющие

смуту» [11]. И как бы подтверждая это новое понимание вопроса, «Русский вестник» поместил несколько статей К.Н. Леонтьева, из которых первая («Панславизм и греки») подробно развивала катковский тезис [13, с. 290]. Леонтьев же был одним из самых ярких русских грекофилов. Для него панславизм являлся ничем иным, как «болгаробесием» [2, с. 49].

Тем не менее, автор греческой статьи «Схизма и русская печать» в чем-то по-своему прав. Греки оказались верны своим принципам и убеждениям. В Константинополе после объявления схизмы провозглашали: «Да здравствует султан – покровитель Православия против панславизма! Да здравствует Синод! Да здравствует архиепископ Ликург!» [16, с. 142] Архиепископ Ликург представлял на Соборе интересы Элладской Церкви, заняв непримиримую в отношении болгар позицию. В Афинах объявление схизмы было встречено торжественным богослужением и дарованием Патриарху Анфиму ордена Спасителя.

Греко-болгарская распря, таким образом, обрела панславистское значение. В некотором смысле произошел греко-славянский церковный раскол, о котором в своем письме к Экзарху Анфиму предупреждал А.Н. Муравьев еще до Константинопольского Собора: «И в какое затруднительное положение Вы поставляете нас русских, единоверцев и соплеменников ваших, в отношении греков и вас самих! Неужели вожди, руководители болгар не хотят уразуметь, что при всем нашем желании всякого успеха единоплеменникам нашим, мы не можем однако и не должны, ради их ссориться в единоверными нам греками, от которых и вы, равно – как и мы, приняли христианство и о которых, не смотря на все их погрешности, мы можем сказать то же, что говорил апостол об Израиле: т.е., что в отношении нас они, первые имели усыновление и славу и завет и обетование и можно сказать, даже Самого Христа, хотя и не по плоти, и все сие они передали нам» [4, с. 159].

Т.И. Филиппов, резюмируя итоги Собора, пишет: «по постановлению Собора 12 и 16 сентября, отлучаются от общения церковного не только болгарские архиереи, но и все (кто бы то ни было, духовные и мирские),

принимающие отлученных в общение; а потому в ту самую минуту, как мы признали бы Болгарский экзархат братом нашего Св. Синода, сей последний перестал бы быть братом четырех восточных Патриархов» [19, с. 231-232].

Схизма 1872 года: политический и этнический аспекты

Греко-болгарский церковный конфликт имел и политическую подоплеку. Влиятельным игроком было Греческое Правительство в лице премьер-министра Эпаминондаса Делигеоргиса, доверившегося Британии действовать на согласие схизмы. Афинское Правительство посылало в Константинополь многочисленных эмиссаров, подрывавшим доверие к России и славянам, что способствовало провозглашению скорой схизмы. Наконец, представители Афинского Синода на Константинопольском Соборе (архиепископ Ликург, архимандрит Калугерас и др.) действовали не только от имени Элладского Синода, но и Греческого Правительства.

Из Афин поступали на Фанар и значительные денежные средства. В начале 1872 года Святейшему Патриарху Анфиму была выслана тысяча турецких лир, переданная через Греческую миссию в Константинополе. Наверное, уже в период проведения сентябрьского Поместного Собора «Делигеоргис прислал Патриарху через своего эмиссара, журналиста Потамиано, три тысячи фунтов стерлингов, которые были обещаны святейшему Анфиму в то время, когда он еще колебался провозгласить отделение болгар от Константинопольской церкви, говоря, что в таком случае Вселенский престол лишится большей части своих доходов. При передаче этих трех тысяч фунтов, патриарху были обещаны и дальнейшие субсидии под тем, говорят, условием, что его святейшество будет продолжать являться послушным орудием ненависти к России и вражды эллинов к славянскому миру» [4, с. 160].

Политические страсти и амбиции Афинского правительства были внесены и в Афинский Синод, увлекли за собой большую часть греческого духовенства. «Благоразумные, умеренные элементы народа не сумели и не смогли справиться с демагогическим духом, который всегда составлял несчастье Греции и который в этом случае особенно дал себя почувствовать»

[16, с. 136-138].

Константинопольский Собор 1872 года квалифицировал болгарскую автокефалию как схизму. В свою очередь, Правительство Российской империи поддерживало сторону болгар. После церковного поражения Болгарского Экзархата Россия была вынуждена идти более сдержанным курсом по отношению к Греции. Императорская Россия во внешней политике придерживалась принципа "собственного достоинства", а потому не могла терпеть тех, которые открыто называли себя ее врагами. Деньги, сила и влияние России должны были употребляться на защиту ее интересов.

Поэтому, «наше правительство последовало пословице "бей рублем" и секвестровало доходы с бессарабских имений, принадлежащих заграничным греческим монастырям, благодаря чему доходы с русских земель перестали идти на поддержку агитации, направленной прямо против России» [16, с. 142].

В самом Константинополе происходили очень странные брожения. Греки придавали большое значение разным слухам и сплетням, верили провокационным лживым новостям из России и, в итоге, стали в неприязненные отношения к России.

Из письма Ф. Стоянова-Бурмова (Константинополь, 24 октября 1872 г.): «Недавно здесь получена была телеграмма, напечатанная во всех местных газетах, будто Михаил Никифорович Катков подвергся умопомешательству. Хотя одна из греческих газет видела в сем доказательство сильного впечатления произведенного на всех панславистов провозглашением схизмы, но нет сомнения, как видно, что умопомешательство Михаила Никифоровича такая же выдумка как и умопомешательство Милетича (Светозар Милетич – сербский политический деятель – *В.В.*), ибо "Московские Ведомости" продолжают приходить сюда с подписью тех же издателей.

Друзья Мих. Никифоровича, однако, интересуются узнать из Москвы непосредственно и от сведущего лица, что могло подать повод к такому слуху. Новый визирь не высказал еще никакого мнения насчет греко-болгарской распри. Патриарх посылает почти во все болгарские епархии архиереев для

противодействия схизматическому экзархату; но это наводит лишь смех между болгарами, уверенными что патриаршие архиереи не будут иметь ни малейшего успеха. Болгарское церковное начальство старается о скорейшем снабжении всех болгарских епархий архиереями зависящими от него, и поэтому оно почти каждое воскресенье совершает рукоположения в архиереи» [4, с. 162].

Фанарское сумасшествие доходило до крайности. Греческие газеты были переполнены толками о панславизме и банальной русофобией. Начался греческий шпионаж в пользу Турции. Писались доносы Турецкому Правительству о делах, происходивших в России. Использовались "источники" при российских комитетах по поддержке балканских славян с переименованием и искажением дела. Российским общественным и политическим деятелям впредь нужно было быть осторожнее при обнародовании отчетов о заседаниях своих комитетов [4, с. 163]. В первую очередь это касалось деятельности Московского славянского комитета.

Кризис Османской политики и церковные взаимоотношения после объявления схизмы 1872 года

Ситуацию осложняла и Османская политика, представители которой традиционно вели двойную игру. Турецкое Правительство заняло неблагоприятную позицию к болгарам. Оно желало переменить фирман об Экзархате 1870 года, нарочно подчеркивало церковные различия между болгарами и греками после объявления болгарской схизмы [4, с. 163].

Так, например, великий визирь Мидхат-паша, поздравивший сначала болгар с окончательным разрывом с Великою Церковью, после обещал Константинопольскому Патриарху изменить, согласно его требованию, облачение болгарского духовенства, чтобы отличить его от греческого. Болгарский Экзарх стал сопротивляться этому требованию. В крайнем случае, Экзарх полагал, что болгарское духовенство примет облачение русских священников [16, с. 145]. Неслучайно Вселенская Патриархия настаивала на изменении облачения для болгарских священнослужителей, чтобы лишний раз подчеркнуть их отлучение от себя. Вопрос об облачении священнослужителей

Болгарской Церкви был весьма важным в первые месяцы после объявления схизмы.

Ситуацию в греко-болгарском противостоянии осложняли и частые перемены в Турецком Правительстве. Из письма Ф. Стоянова-Бурмова (7 мая 1873 г. Константинополь): «Министры сменяются почти каждые два месяца. Новые министры сначала изучают вопрос, а когда познакомятся с ним, их увольняют. Третьего дня уволен министр иностранных дел Савфет-паша, на благоразумие и умеренность которого болгары много рассчитывали. Преемник его, Рашид-паша, доселе управлявший разными волостями, потребует, вероятно, много времени для своего ознакомления с греко-болгарским делом» [4, с. 163].

Если Турецкое Правительство и желало идти на уступки болгарам, как это и случилось в августе 1873 года при Рашид-паше, который требовал от Патриарха, чтобы он примирился с болгарами на основании фирмана от 1870 года, то греки, однако, вовсе были не расположены отменять схизму, и употребляли всевозможные средства, чтобы она оставалась в полной силе.

«Патриарх опасается и одно слово сказать в пользу примирения» [4, с. 164]. Положение Патриарха Анфима, в отличие от его тезоименитого антагониста Экзарха Болгарского, сильно пошатнулось после событий осени 1872 года. Немощному Патриарху уже было трудно своими старческими руками сдерживать дальнейший порыв грубой народной страсти.

«Обманувшись в своих расчетах относительно результатов провозглашения схизмы, вожаки крайней греческой партии искали на ком выместить свою злобу, и таким козлищем отпущения явился сам Патриарх Анфим. Увлечение вчерашним кумиром, истинным-де борцом за Православие, быстро сменилось, сначала, недовольством, проистекавшим от собственной неудовлетворенности, а затем и ненавистью. Разнузданные народные страсти нигде и никогда не отличались продолжительностью поклонения своим излюбленным героям, и напрасно Святейший Анфим искал себе поддержки в демагогическом духе народа, уже с древнейших времен известного своим

непостоянством, своею неблагодарностью. Случилось то, что и должно было случиться, и Константинопольский Патриарх сделался целью, на которую яростно устремились волны им же самим взбаломученного моря» [16, с. 149].

Константинопольский Патриарх Анфим VI, видя народные страсти, проникшие и в церковные дела, 20 сентября 1873 года на общем собрании Синода заявил о своей отставке «и произнес речь, в которой с полным правом указывал на свои заслуги для Церкви в области просвещения, экономического благоустройства и т.д., добавив, что не по его вине греко-болгарская распря пришла к неприятному для греков концу» [15, с. 651].

После некоторых колебаний Константинопольским Патриархом избрали Иоакима II, прежде уже бывшего на Патриаршей кафедре, «человека весьма умного, но упрямого и, по временам, слишком крутого» [16, с. 150]. После интронизации и утверждения Портой Иоаким заявил русскому послу в Константинополе, графу Игнатьеву о своей готовности содействовать примирению греков и болгар и отмене схизмы.

Одновременно Патриарх послал письмо Российскому Синоду, в котором сообщал о своем избрании и выражал надежду, что ему удастся смягчить напряженность между греками и болгарами. Иоаким считал, что для прекращения греко-болгарской церковной распри, прежде всего, необходимо парализовать влияние крайней греческой партии, выступавшей против примирения с болгарами, а затем уже позаботиться об отмене схизмы. Болгарский экзарх, со своей стороны, также стремился положить конец влиянию крайней болгарской партии, которая не соглашалась ни на какие уступки грекам. Экзарх намеревался изгнать из Константинополя некоторых руководителей этой партии [10, с. 180].

Кроме того, есть основания полагать, что Иоаким II отразил нападки радикалов крайней греческой партии, требующей от него, чтобы он заставил Российский Синод высказаться по вопросу о схизме. Патриарху приписывают следующие слова: «а что же делать если я пошлю подобное требование, а Св. Синод оставит его без ответа; разве я посмею вступить в борьбу с Россией,

этой покровительницей и защитницей Православия?» [16, с. 151].

В свою очередь, болгары, слушаясь своего Экзарха пошли на уступки Константинополю. Они готовы были пересмотреть 10 пункт султанского фирмана 1870 г., где затрагивалось положение епархиального состава Болгарского Экзархата. Болгары были готовы принять то разграничение епархий, которое установит сама Порта. И более того готовы были ежегодно уплачивать Константинопольской Патриархии определенную сумму денег, принося ей таким образом вознаграждение за отделения болгарских епархий.

Пытаясь несколько разрядить ситуацию, Российский Синод содействовал примирению Церквей и возможному снятию схизмы на основе взаимных уступок. Отвечая на грамоту от 18 октября 1873 года Константинопольского Патриарха Иоакима II, в Петербурге ему указали, какие большие заслуги он имел бы пред Вселенской Церковью, если бы, руководясь христианской любовью и справедливостью, водворил в своей церковной области мир и взаимную братскую любовь между всеми православными христианами. Именно об этом мире и благостоянии Церквей всегда молилась единоверная и одинаково ко всем искренне благожелательная Русская церковь [20, с. 47].

Против объявленной схизмы энергично выступил выдающийся русский богослов архиепископ Литовский, впоследствии митрополит Московский Макарий (Булгаков). После болгарского раскола 1872 года «нашему Св. Синоду необходимо было высказать свое суждение о совершившемся прискорбном событии в ответ на особое сообщение Вселенского патриарха о том. Дело это и было поручено преосвященному Макарию, в то время архиепископу Литовскому. Последний собрал массу разного материала для того, чтобы как можно основательнее познакомиться с настоящим положением дела, о котором он должен был высказать свое суждение» [17, с. 36].

Митрополит Макарий высказался за справедливость и законность требований болгар в их распре с греками: «ныне Патриархия должна признать совершенно законным и имеющим полную силу фирман царствующего султана Абдул-Азиса, возвращающий болгарам их церковную самостоятельность, и

должна, безусловно, покориться этому фирману [6].

Вторичное патриаршество Иоакима II (1873-1878) выпало на период общего кризиса, который переживала Османская империя в 70-х годах XIX века. С 1854 по 1874 годы Османская империя 14 раз прибегала к займам у западных держав на весьма невыгодных для себя условиях. К 1875 году государственный долг Османской империи достиг 5,3 млрд. франков, тогда как в 1854 году он составлял лишь 0,75 млрд. Только на оплату процентов по займам требовалось 60% государственного бюджета империи [4, с. 167].

Тяжелое финансовое положение побуждало Турецкое Правительство искать выход в повышении налогов, что вызвало сильные народные волнения. 1874 год был неурожайным не только в Болгарии, но и в Боснии и Герцеговине. Не считаясь с бедственным положением населения, власти увеличили налоги. Над Балканами явно нарастали признаки новой грозы. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. перекроила этнические и религиозные разлады на новый лад...

Список литературы:

1. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. Славянский вопрос. М., 1886.
2. Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000
3. Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг. Материалы для истории русской журналистики /Сост. Н. М. Лисовский. Петроград, 1915. Т. 1.
4. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2011.
5. Владислав (Цыпин). прот. Курс церковного права. Клин, 2002.

6. Греко-болгарский церковный вопрос и его решение. Записка покойного Макария митрополита Московского // Православное Обозрение, 1891, Т. 3, ноябрь-декабрь

7. Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном востоке (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину Капустину). Спб., 1909.

8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л., 1972-1990. Т. 25.

9. Кирилл, Патриарх Български. Екзарх Антим. София, 1956.

10. Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.

11. Московские ведомости. 1872. № 10, 11.

12. Муркос Г. Мнение православных арабов о греко-болгарской распре. М., 1880.

13. Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970.

14. Селецкий А. Греко-болгарский церковный вопрос в нашей печати // Странник, 1883. Октябрь-Ноябрь-Декабрь.

15. Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. Т. 1. Спб., 1904.

16. Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос. Спб., 1889

17. Титов Ф.И. Суждения преосв. Феофана, бывшего епископа Владимирского, о греко-болгарском вопросе и о состоянии Православной церкви на Востоке. (С предисловием) // Труды Киевской Духовной Академии, 1895, май.

18. Троицкий И.Е. Церковная сторона болгарского вопроса. Спб., 1888.

19. Филиппов Т.И. Современные церковные вопросы. Спб., 1882.

20. Христов И. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 8.

21. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. СПб., 1895. Т. 30.

Сведения об авторе:

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, член Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Venediktov Vadim Yuriyevich – Candidate of Historical Sciences, member of Scientific Expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: benedictus@list.ru.